

УДК 81'367

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ Л.Н. МУРЗИНА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

Валерий Александрович Мишланов
профессор кафедры общего и славянского языкознания
Пермский государственный университет
614016 Пермь ул. Революции, д. 58, кв. 75. mishl@psu.ru

В статье рассматриваются базовые концепции и методологические основы деривационного синтаксиса, разработанные профессором Л.Н. Мурзиным и легшие в основу Пермской дериватологической школы. Анализируются эвристические и объяснительные возможности деривационной теории. Показано, что динамический подход позволяет найти новое решение многих актуальных проблем исторического и синхронического синтаксиса (проблемы происхождения сложного предложения, вопроса о грамматической природе словосочетания, о связи словосочетания с синтаксисом текста и др.).

Ключевые слова: динамика языка; синтаксическая деривация; дериватология; генезис сложного предложения; деривационная аналогия; словосочетание.

О той значительной роли, которую сыграла синтаксическая концепция Л.Н.Мурзина не только в становлении пермской школы дериватологии, но и в развитии теоретического синтаксиса и динамической лингвистики в целом, сказано уже немало. В этой статье мы рассмотрим лишь несколько основополагающих для этой концепции идей, сосредоточив внимание на их значении для методологии синтаксических исследований, на их эвристическом потенциале и объяснительной силе.

Концептуальные основы пермской школы изложены в монографии «Синтаксическая деривация» [Мурзин 1974] (на базе которой была написана докторская диссертация Л.Н.Мурзина) и в учебном пособии «Основы дериватологии» [Мурзин 1984]. В.Г.Гак в отзыве о диссертации Л.Н.Мурзина писал: «У нас не было еще опыта построения общей теории синтаксической деривации, в которой бы рассматривались общетеоретические вопросы, связанные с разработкой этой проблематики, определялись бы понятия, относящиеся к ней. Диссертация Л.Н.Мурзина восполняет этот пробел. Она представляет собой первое в нашей стране всестороннее теоретическое исследование синтаксической деривации» [Гак 1998: 171].

Синхронно-динамические концепции языка появились, как известно, в середине века (в виде динамических синтаксических моделей, или по-

рождающих грамматик). Л.Н.Мурзин, осмысливая значение порождающих грамматик (синтаксической теории Н.Хомского прежде всего), переносил акцент на то, что С.Д.Кацнельсон определил как **принцип деривации** [Кацнельсон 1967] и что составляет самую сердцевину трансформационной теории (и др. порождающих грамматик), ее душу.

Но если для автора ТГ трансформации синтаксических структур – это операционные понятия теории (необходимые для «исчисления» грамматически отмеченных поверхностно-синтаксических структур) и к реальным речемыслительным процессам прямого отношения не имеют, то для Л.Н.Мурзина деривационные отношения и деривационные процессы прямо отражают онтологию языка. «Суть его подхода, – писал А.М.Шахнарович, – состоит в том, что в Языке следует различать предметы (факты), процессы и отношения. Наиболее полно это выразилось в книге «Основы дериватологии»... Леониду Николаевичу удалось убедительно показать, что деривационные отношения – редукция словообразовательных правил, а следовательно – область уже не столько языка, сколько языкового мышления» [Шахнарович 1998: 209].

Принцип деривации для пермской школы динамической лингвистики стал главным методологическим ориентиром, позволяющим раскрыть природу многих явлений на всех уровнях языка,

объяснить то, что в рамках статического структурализма объяснения не находит (воспринимается как заданное). Но особое значение принцип деривации имеет для методологии синтаксических исследований. При динамическом подходе к языку «наше внимание должно быть направлено на более сложные единицы, поскольку лингвиста теперь интересует деривационный процесс, приводящий к синтезу элементарных единиц языка. Поэтому для динамической лингвистики основной единицей становится предложение – относительно конечный результат деривации, и синтаксис оказывается центральной частью грамматики» [Мурзин 1974: 14].

Понимание деривации предложения (высказывания) в органической связи с текстообразованием – еще одна характерная особенность дериватологической концепции Л.Н. Мурзина. Динамическая природа языка определяется тем в первую очередь, что язык предназначен для текстообразования, а потому «исходная точка при описании деривационного процесса – не словообразование, моделирующее элементарные закономерности деривации, а *текстообразование*, которому подчинены и синтаксическая, и лексическая, и семантическая деривации. Такой подход значительно опережал свое время, еще не осознавшее дискурсивной природы любого явления языка» [Клобуков 1998: 187].

Итак, **центральная идея динамического синтаксиса заключается в том, что статическая структура предложения (поверхностно-синтаксическая структура) может и должна быть описана под деривационным (синхронно-динамическим) углом зрения – как результат синтаксических процессов, обеспечивающих развертывание текста.**

Стоит особо подчеркнуть, что динамический подход, опирающийся на принцип деривации, важен не только для синхронического, но и, как бы ни выглядела эта градация странной, для диахронического синтаксиса.

Дело в том, что именно благодаря исследованиям в области синхронных синтаксических процессов появляется возможность непротиворечиво, органично **реализовать давно декларируемый подход согласованного описания синхронных и исторических процессов** (ср.: «Едва ли можно сомневаться в том, что оба подхода входят в методический арсенал науки о языке, а не формируют две взаимообусловленные лингвистики» [Общее языкознание 1973: 111]). При динамическом подходе к синтаксису синхронические и диахронические методики не противопоставляются, а координируются, ибо **между процессами генезиса и деривации (в текстообразовании) синтаксических конструкций**

существует онтологическая взаимосвязь и описание того, как возникает (порождается) то или иное сложное предложение, предполагает поиск ответа на “панхронический” вопрос о мотивах его образования (подробней об этом см.: [Мишланов 1996: 12-19]).

Так что же такое динамический синтаксис? И для чего понадобились методологические новации? «Язык – не просто система знаков, а функционирующая система. Поэтому правила реализации знаков в речи, правила образования речевых единиц и текстов входят в язык органической частью. Такие правила и составляют костяк того, что называют динамическим аспектом языка» [Мурзин 1974: 8]. Другими словами, динамика не может считаться свойством только речи (вольным употреблением статических единиц языка) или только диахронии. Язык (не речь) динамичен и в синхронии.

Динамика языка в синхронии – это не сосуществование отжившего или нарождающегося со стабильным (ибо архаизмы и инновации суть явления диахронии), как считалось некогда, а процессуальность, так сказать, заключенная в системе – **деривационные механизмы и деривационная аналогия.**

«Помимо таксономических отношений, в языке наблюдаются отношения принципиально другого рода... – отношения производности, или деривационные отношения... Оказалось, что указанные отношения не являются для языка чем-то случайным, находящимся на периферии. Напротив, они начинают играть чрезвычайно важную роль, как только язык рассматривается в его динамике – в процессе исторического развития или в процессе манифестации (использования в речи). Они образуют систему, которую можно назвать динамической системой языка» [Мурзин 1974: 8]. В более широком понимании синхронная динамика языка есть необходимый «способ существования языковой системы» [Адливанкин, Мурзин 1984: 5].

Синхронная динамика языка (синтаксиса) – под иным углом зрения – есть то, что можно назвать «синтаксическим пространством» («синтаксический континуум»). Между синтаксическими единицами нет непроницаемых границ. Любую синтаксическую конструкцию (статическую единицу синтаксиса) можно рассматривать как «момент движения».

Таким образом, если говорить коротко, при динамическом подходе к синтаксису любая конструкция осмысливается и описывается как переход из одного состояния в другое: в диахронии (в генезисе), в текстообразовании и в синхронной синтаксической системе, включающей

недифференцированные структуры, «переходящие» из одного типа в другой.

Динамический подход позволяет описать любые синтаксические конструкции, фиксируемые в речи, как закономерный результат функционирования и развития синтаксической системы языка. Больше того, **грамматическая природа того или иного типа предложения может быть раскрыта и адекватно описана лишь при учете деривационных и генетических процессов.**

Рассмотрим объяснительные возможности динамического метода на примере изучения проблемы происхождения сложного предложения (СП). Относительно генезиса сложного предложения существуют две точки зрения. Согласно одной, СП появляются в результате соединения двух самостоятельных (см., например: [Бауэр, 1962; Мельничук 1964]), другой путь формирования СП состоит в некоем расширении структуры простого предложения, в таком его изменении, когда непредикативный компонент структуры предложения повышается до статуса предикативного [Поспелов 1950: 327].

Как показал Я.Бауэр, не существует (по крайней мере в истории славянского СП) ни одного серьезного свидетельства в пользу этой второй точки зрения («Изучение развития сложного предложения в чешском языке безусловно подтверждает первую точку зрения: мы обнаруживаем много явлений, свидетельствующих о первоначальной самостоятельности соединенных предложений, но не найдем ни одного убедительного свидетельства, показывающего, что какой-то тип сложного предложения возник в результате того, что определенный член предложения получил значение предложения» [Бауэр 1962: 93]). Однако и в реконструкциях процессов генезиса СП по первому пути мы сталкиваемся с серьезными трудностями.

Заметим, во-первых, что наличие в древнейших письменных памятниках разнообразных полипредикативных предложений свидетельствует о том, что начало формирования СП должно быть отнесено к весьма ранней эпохе, по меньшей мере, к периоду, предшествующему распаду индоевропейского языка [Мельничук 1964: 7].

Далее, исследователи отмечают, что в генезисе СП особую роль сыграли бинарные структуры. Многие синтаксисты, учитывая широкую распространенность в древнеписьменных текстах «цепного нанизывания» предложений, приходят к выводу, что бинарные комплексы, на базе которых возникли различные типы СП, вычлениваются из подобных текстовых структур [Ломтев 1956: 486; Коротаева 1964: 19; Ринберг 1975: 51]. Раскрывая в общих чертах механизм формирования бинарных структур, Я.Бауэр пишет: «Если

определенные сочетания предложений в речевом акте повторялись более часто, то создавались условия для возникновения типа сложного предложения как установленной схемы, модели, в которой слились определенные формы и определенное смысловое отношение. Стабилизация и механизация подобных сочетаний создали предпосылки к тому, чтобы из слов, первоначально имевших лексическое значение..., возникли грамматические слова, которые со временем превратились в формальное средство для выражения отношений между предложениями» [Бауэр 1962: 94].

Вряд ли можно сомневаться в том, что при «более частом повторении определенных сочетаний» появлялись условия для грамматикализации некоторых компонентов смежных предложений и для формирования отдельных типов СП. Однако, поскольку предполагается, что «определенные сочетания предложений» в о з н и к а ю т, уместно поставить вопрос, почему это происходит, в силу каких причин некоторые предложения начинают сочетаться, а полученные сочетания в дальнейшем воспроизводиться.

Если согласиться с тем, что СП возникает из структуры, которую нельзя определить как полипредикативное (бипредикативное) предложение, то следует заключить, что происходило это в эпоху весьма и весьма далекую, когда человек только начал развивать способности связывать в мышлении явления, события, оценивать, выражать отношение и т.п. Поэтому, оставаясь на почве рационального и реального, мы должны, очевидно, исходить из того факта, что сложное предложение существовало всегда, что оно исконно, как и вообще слово, членораздельная речь.

Иначе говоря, мотивы объединения простых предложений панхроничны: они действуют всякий раз, когда в осуществлении речемыслительной деятельности начинает употребляться язык, когда начинается текстопорождение. Другое дело, что на разных этапах развития грамматической системы деривация текста приводит к различным поверхностно-синтаксическим результатам.

Следовательно, в общем виде ответ на вопрос о мотивации деривационно-генетических процессов образования СП может быть сформулирован так: определенные типы внешне самостоятельных предложений синтаксически объединяются потому, что они уже объединены «внутренне», в своей глубинной структуре.

Опора на «принцип бинарности» в историко-синтаксических исследованиях означает, по сути, обращение к синтаксису текста, поскольку исследователи, принимающие во внимание данное

обстоятельство, так или иначе имеют в виду переход к новому структурному типу организации связного текста: трансформацию древних монотонно-линейных текстовых цепочек ПЕ, с ингрессивными коннекторами или без них, в последовательности с «парными объединениями» предложений.

Поставив «деривационный вопрос о мотивации СП, мы можем по-новому взглянуть на первую из двух гипотез о генезисе сложных конструкций, а по существу, сформулировать вывод, вслед за Ж.Одри, о «третьем» пути формирования СП.

Если и допустимо говорить о самостоятельности компонентов будущего СП, то только имея в виду поверхностно-синтаксические структуры компонентов связного текста. Сложные предложения с сегментными показателями связи (с относительными словами и союзами) появляются не в результате объединения простых (т.е. не в результате усложнения грамматических структур), а путем своего рода упрощения, сокращения «сверхсложных» построений. Ж.Одри в связи с этим пишет: «Сложное предложение не могло произойти в результате расширения простого предложения или посредством соединения нескольких последовательных простых предложений. Языковые структуры образуются не путем присоединения независимых элементов, случайно вступивших в контакт, а в ходе реорганизации, обновления существующих структур, и чаще всего в связи с сокращением этих структур... Причину происхождения сложного предложения следует искать или в перестройке структуры существовавшего ранее сложного предложения, или в сокращении структуры более высокого порядка, т.е. структуры текста» [Одри 1988: 109].

Важной особенностью динамического синтаксиса является то, что он вполне гармонично сочетается с другими направлениями, с другими методологиями. Динамический синтаксис не отрицает достижений традиционных учений о предложении и словосочетании, методологически вполне он согласуем и с семантическим синтаксисом, и с коммуникативной грамматикой.

Учебник или описательная грамматика не могут быть односторонне ориентированы на формальный (конструктивный), семантический (логический) или коммуникативный (прагматический) синтаксис. Синтаксисты давно уже пришли к убеждению, что невозможно описать форму, не имея в виду функций и значений, так же иллюзорно представление, что можно исследовать семантику вне форм (хотя, разумеется, можно идти в исследовании от формы, выявляя грамматическую омонимию, или от значения, выискивая синтаксически синонимы); сомнительно

убеждение, что прагматические установки коммуникантов могут быть выделены в обособленную сферу значений, выражению которых служит набор специализированных (изолированных от других) средств. Другими словами, конструктивный, семантический и коммуникативный аспекты учитываются – правда, в разных пропорциях – при любом подходе, динамический же подход, как представляется, ориентирует исследователя на сбалансированное изучение названных аспектов.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим (очень коротко) два дискуссионных вопроса современного русского синтаксиса, решение которых, на наш взгляд, невозможно в рамках традиционного (статического) подхода.

1. Начнем с анализа совершенно обычных русских предложений типа *На ней было красивое белое платье; В парке было много отдыхающих* – с прозрачной, для любого владеющего русским языком, семантикой, но с довольно странной для этой семантики структурой. Подлежащее (грамматикализованная тема) здесь всегда в реме, формальный локатив (независимо от того, как он трактуется – как детерминант или как присловное обстоятельство места) совершенно не соответствует той семантической роли, какую он здесь играет, наконец, предикативный центр в этом предложении тоже не вполне отвечает типологическим признакам связочного или простого глагольного сказуемого. Но структурно-семантические странности подобных предложений перестают быть таковыми, если предположить, что в их деривационной основе лежат бытийные предложения, в которых глагол *быть* выступает как знаменательный (*В этом магазине есть красивые белые платья*). Смысл ‘она была в белом платье’ выражен посредством конструкции, созданной по деривационной модели, искони свойственной бытийному предложению (N^{loc} *быть* N^1).

Как известно, русский язык представляет (и весьма ярко) «*быть*-ориентированные» языки. Замечено, в частности, что наш синтаксис позволяет порождать пространные связные тексты вообще без эксплицитных личных форм знаменательных глаголов, используя структуры с именным сказуемым. Деривационная аналогия, под действием которой появляются рассматриваемые конструкции, имела место еще в праславянской эпохе, когда, по-видимому, и возникли посессивные *быть*-конструкции (*У дома был колодец* ® *У нас был колодец*).

Первичной является, надо полагать, является именно бытийная функция, из которой развиваются посессивная, локативная и связочная. Основания переноса значения очевидны: ‘сущест-

вовать' предполагает семантический компонент 'занимать пространство'; 'принадлежать' включает значения 'существовать' и 'занимать пространство' (буквально: рядом с субъектом обладания). Предмет обладания наделяется атрибутом самостоятельного существования, а субъект представляется как неактивный (волею судеб ставший обладателем, точнее, тем, в интересах кого существует нечто). Между прочим, языки переходят чаще в тип *habeo*, в чем можно усмотреть смещение нравственных ориентиров под влиянием тенденций к рационализму и прагматизму в мировоззрении нового времени.

Любопытно, что и посессивная конструкция с «активным» глаголом (*иметь*) тоже может употребляться метафорически – в бытийном значении. Ср.: *В городе имеются увеселительные заведения; В русском языке имеем множество церковнославянизмов*. Здесь еще более проявляется прагматический взгляд на мир: нечто существует не около нас, а для нас или только для нас, в нашей сфере влияния.

2. На наш взгляд, только динамический подход дает возможность осмыслить синтаксическую природу словосочетания как особой синтаксической единицы, со своей синтаксической нишей, со своим предназначением, отличным от функций слова и предложения.

С точки зрения статистики языка словосочетание, вообще говоря, оказывается избыточным понятием (пришедшим, очевидно, из школьной грамматики, из методики обучения синтаксису), поскольку структура предложения вполне может быть описана и без опоры на эту категорию. «У тех языковедов, для которых в центре синтаксиса находилась теория предложения и его членов (например, Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, Д.Н.Овсяннико-Куликовского, А.А.Шахматова и др.), изучение словосочетания отходило на задний план и даже нередко совсем исчезало из синтаксиса» [Виноградов 1975: 232]. Но словосочетание – это не статическая единица языка, в том смысле, что оно не извлекается из словаря, оно строится, как и предложение. Оно, действительно, есть строительный материал для предложения. Но еще более справедливо, что и **предложение есть строительный материал для словосочетания**, ибо словосочетание генетически и деривационно строится из предложения. В этом суть динамического взгляда на словосочетание.

Под динамическим углом зрения функциональная специфика словосочетания как особой единицы – в грамматике текста.

Различия между словосочетанием и словом (даже аналитическим выражением) качественны; они лежат в области деривации: словосочетание

производно синхронически, тогда как слово (производное, естественно) – диахронически.

Словосочетание образуется в процессе текстопорождения для определенных коммуникативных целей. Только в этом смысле мы можем говорить о словосочетании как строительном материале для актуального предложения текста.

Если попытаться найти линии разграничения словосочетания и сочетаний слов внутри предложения, то окажется, что для адвербиальных и адъективных словосочетаний (*очень высоко, коричневый от загара, строгий к себе*) места не найдется, ибо в реальных текстах эти соединения существуют в составе предложения только в определенной синтаксической позиции и их описание, даже в составе обособлений, не требует выхода за рамки предложения.

Напротив, синтаксические соединения глагола-сказуемого с дополнением или обстоятельством **служат материалом** для реальных словосочетаний (*читать сказку* или *чтение сказки, увлеченное чтение* и т.п.), которые заполняют синтаксические позиции нового предложения текста (например: *Читать сказку ему было тем более приятно, что это вызывало зависть не знавшей еще букв сестренки*).

Можно выделить поэтому словосочетания **реальные и потенциальные**. Реальное словосочетание – номинативный компонент предложения, соотносимый с предшествующим (реальным или подразумеваемым) предложением, потенциальное – предикативное сочетание и подчинительные связи глагола с актантами, с той, однако оговоркой, что потенциальное **словосочетание должно еще трансформироваться, прежде чем станет реальным, а потому не является словосочетанием как таковым**. Ср.: *Иван подарил Марии прекрасные цветы*, где одно реальное словосочетание – **прекрасные цветы**; связи между иными словами не дают словосочетаний (нет словосочетания *подарил цветы, подарил Марии*, но могут быть построены словосочетания *подарить цветы, дарение цветов, подарить Марии, подаренные цветы*).

Подлинное словосочетание есть всегда результат **деактуализации** некоторого предложения-высказывания, предшествующего данному (актуальному) высказыванию (о синхронно-динамическом понятии деактуализации см.: [Мишланов 2010: 56-57]). В реальном связном тексте этого предшествующего предложения может и не быть, конечно; важно, однако, то, что такое предложение можно построить (тогда как, скажем, синтаксические соединения слов типа *коричневый от загара, богатый на события* существуют только в рамках данного компонента

связного текста и не восходят к иной самостоятельной предикативной единице).

В формуле, предложенной Л.Н.Мурзиным, некоторое предложение связного текста есть результат совмещения (контаминации) двух структур, и в случае «тематической прогрессии» (когда темой результирующей структуры становится рема предшествующего высказывания) контаминация предшествует процесс дезактуализации ПЕ, т.е. превращение ПЕ в словосочетание для подстановки его в позицию темы актуального высказывания.

Мой собственный опыт изучения полипредикативных конструкций показывает, что динамический подход обладает немалыми преимуществами перед статическим. Исследуя деривационный аспект сложного предложения, мы получаем возможность выявить новые типологически релевантные признаки предложения, глубже понять коммуникативную и синтаксическую природу различных типов и разновидностей сложноподчиненных предложений – изъяснительных, каузальных, относительных и др. (о динамическом подходе к типологии изъяснительных конструкций см.: [Мишланов 2010]).

Список литературы

Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // *Деривация и текст.* Пермь, 1984. С. 3-12.

Бауэр Я. К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения (на материале чешского языка) // *Вопросы славянского языкознания.* М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып.6. С. 89-111.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // *Исследования по русской грамматике.* Избр. труды. М., 1975. С. 231-253.

Гак В.Г. Создание новой науки // *Фатическое поле языка.* Межвуз. сб. научных трудов. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1998. С. 169-175.

Кацнельсон С.Д. Порождающая грамматика и принцип деривации // *Проблемы языкознания.* М.: Наука, 1967. С. 10-23.

Клобуков Е.В. «Постоянная деятельность общения, выражения и оформления мысли» // *Фатическое поле языка: межвуз. сб. науч. тр.* Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1998. С. 185-189.

Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в. М.; Л.: Наука, 1964.

Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956.

Мельничук А.С. Развитие структуры славянского предложения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1964.

Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь, 1996.

Мишланов В.А. К типологии изъяснительных конструкций (особенности семантики и структуры и принципы классификации) // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2010. Вып. 2. С. 52-59.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии: Курс лекций. Пермь, 1984.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.

Одри Ж. Индоевропейский язык // *Новое в зарубежной лингвистике.* М.: Прогресс, 1988. Вып. XXI. С. 24-121.

Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // *Вопросы синтаксиса современного русского языка.* М.: Учпедгиз, 1950. С. 321-337.

Ринберг В.Л. Древнерусские сложные конструкции и их современные параллели. Киев, 1975.

Шахнарович А.М. Несколько слов о Мурзине // *Фатическое поле языка: межвуз. сб. науч. тр.* Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1998. С. 209.

SYNTACTIC DERIVATION IN LEONID MURZIN'S CONCEPTION AND URGENT PROBLEMS OF THE RUSSIAN SYNTAX

Valery A. Mishlanov

**Professor of General and Slavic Linguistics Department
Perm State University**

The article covers the basic concepts and methodological foundations of the derivational syntax, developed by Professor Leonid N. Murzin and forming the basis of The Perm derivatologic school. The heuristic and explanatory possibilities of the derivation theory are analyzed. It is shown that the dynamic approach allows us to find a new solution to many urgent problems of the historical and synchronic syntax (the origin of a complex sentence, the question of the grammatical nature of a collocation, its relationship with the syntax of the text, etc.).

Keywords: language dynamics; syntactic derivation; derivatology; genesis of complex sentences; derivational analogy; collocation.